

Г О Р О Д С К И Е
Л Е Г Е Н Д Ы

ЧИТАЙТЕ
В ЦИКЛЕ «ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ»:

Хозяйка старого дома

Ночной смотритель

Пробуждение куклы

Тот, кто живет в колодце

Человек за черной дверью

Смотрящая в окно

Лена Обухова

ПРОБУЖДЕНИЕ
КУКЛЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Оформление серии *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете *Нatalьи Афанасьевой*

Обухова, Елена Александровна.

О-26 Пробуждение куклы / Лена Обухова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198028-3

Забравшись на территорию заброшенного детского лагеря, когда-то принадлежавшего фабрике игрушек, двое ребят не ожидали встретить там десятки старых кукол. Зато их появления кое-кто ждал. Оказавшись не в том месте не в то время, они пробудили нечто, дремавшее годами. Теперь Владу и Юле снова предстоит помочь полиции разобраться в деле, которое выходит за границы привычного понимания мира. В то же время каждого из них терзают собственные страхи, с которыми сложно справиться в одиночку. Смогут ли они помочь друг другу? И кого выберет новой жертвой потревоженное зло?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Обухова Е., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198028-3

20 ноября 2016 года, 17:15
Окрестности г. Шелково, Московская область

Дорога была ужасной: разбитая бетонка, на которой машина то подпрыгивала, то проваливалась колесом в яму. На фоне этой узкой полосы, не оставлявшей шанса разминуться со встречным транспортным средством, латаное-перелатаное шоссе между Шелково и Пряниково казалось просто идеальным.

Ярик любил быструю езду, но, свернув на это недоразумение, сбросил скорость почти до минимума: машину стало жалко. Старушка японского производства и пятнадцать лет по дорогам уже откатала, но к такому жизнь и производитель ее определенно не готовили. Каждая новая колдобина впивалась в сердце Ярика острой иглой, и он тихо ругался сквозь зубы.

Чем больше они удалялись от шоссе, тем гуще становились заросли вдоль дороги и мрачнее обстановка. В ноябре темнеет часов с четырех, а в пять уже начинается настоящая непроглядная ночь, и сейчас это было им на руку. Лезть в заброшенный детский лагерь ночью у Ярика не было ни малейшего желания, а провести там час требовалось именно в темное время суток.

— Кажется, добрались, — подал голос с соседнего сиденья Кира, с которым они ввязались в эту авантюру.

Ярик, смотревший до сих пор только на подлое полотно дороги, поднял глаза выше и действительно обнаружил впереди высокий забор, состоявший из бетонных секций, местами заметно накренившихся. В крошечной темноте, разгоняемой только дальним светом фар, выглядело это довольно жутко. Пришлось напомнить себе, что сейчас еще фактически день.

Старенький седан подъехал к наглухо закрытым воротам и остановился прямо перед ними. Съезжать с бетонки опасно: по краям все заросло высокой травой и разноместными кустами, что там валяется на земле, не разглядеть, а потому легко можно пробить шину. На дороге машина все равно никому не мешает: едва ли кому-то понадобится в ближайшее время въехать в эти ворота или выехать из них.

Они выбрались из салона, заперли двери и достали смартфоны, чтобы включить на них фонарики: без света фар мир вокруг провалился в такую непроглядную темень, что мороз побежал по коже. Луна стыдливо пряталась за тучами, сквозь которые и солнце днем не могло толком пробиться, а никакого искусственного освещения по периметру лагеря или на его территории не наблюдалось.

— Черт, и как туда попасть-то? — пробормотал Ярик, разглядывая ворота и забор.

Он подергал створки, но те почти не двинулись с места, только глухо громыхнули. В тишине этот звук показался похожим на раскат далекого грома. Забор был слишком высоким, залезть по нему без специальных средств не представлялось возможным.

— Залезем уж как-нибудь, — махнул рукой Кира. — Я поискал на «Ютубе», там есть видюшки отсюда, значит, есть и вход. Надо первую запись сделать, чтобы время уже пошло.

— Ну вот мы и здесь, — произнес Ярик в камеру нарочито бодрым тоном, позируя на фоне ворот. — За моей спиной — детский лагерь «Радуга», точнее, то, что от него осталось. Пока не знаем, как попадем внутрь, но похоже, что никакой охраны на территории нет. Очень надеюсь, что мы не столкнемся со стаей голодных бродячих собак.

Проход на территорию обнаружился довольно быстро, достаточно было немного отойти от главного входа: одна из бетонных секций оказалась завалена сильнее других и стояла под таким углом, что по ней не составляло труда подняться, как по трамплину, и потом спрыгнуть на землю уже с другой стороны забора.

— Вот мы уже и на территории, — на этот раз инициативу перед камерой взял на себя Кира. Он говорил на ходу, но дышал так тяжело, словно бежал. Его сердце колотилось непривычно быстро. — Честно скажу: тут офигенно. У меня мурашки по коже... Не уверен, что на записи будет что-то видно, потому что тут почти нет освещения, но мы видим очертания нескольких корпусов, все они двух- или трехэтажные. Зато наверняка слышно, что здесь очень тихо. Никаких собак. Вообще ни одной живой души!

— Блин, а тут реально круто, — выдохнул Ярик, продираясь сквозь высокую, уже почти засохшую траву.

— Круто, но стремно, — подтвердил Кира.

— Да ладно, сам же сказал: тут нет никого, — отмахнулся Ярик, хотя у самого сердце тоже выпрыгнувало из груди. — И это тебе не Припять какая-нибудь: радиации тоже нет.

— Но чем-то похоже, — с восторгом и благоговением прошептал Кира, когда свет фонариков выхватил из темноты перед ними пустынную детскую пло-

щадку с покосившимися качелями, проржавевшей каруселью и какой-то невнятной конструкцией.

Площадка имела специальное покрытие, сквозь которое растениям было трудно пробиться, поэтому здесь диких зарослей не наблюдалось, но природа все равно пыталась отвоевать это место: кое-где в трещины уже высунулись тонкие росточки. На следующий год их наверняка станет больше, а потом еще больше. Рано или поздно качели-карусели будут торчать прямо посреди поля.

— Жесть, — нервно хохотнул Ярик. — Реально как в том кино.

Кира не понял, какое именно кино имеет в виду приятель. Он бы уточнил, но отвлекся: ему почудился рядом приглушенный скрип, и он стремительно повернулся к качелям, одновременно боясь и желая увидеть, как они раскачиваются под действием невидимой силы. Но качели висели без движения.

— А ведь когда-то тут играли детишки, — нарочито мрачным тоном произнес Ярик. — Звучали их звонкие голоса и смех... Но, блин, если я услышу их сейчас, то обосрусь.

Они рассмеялись и пошли дальше: им предстояло забраться хотя бы в один корпус.

Первый, в который они сунулись, оказался заперт, а в разбитое кем-то окно никому лезть не захотелось, поэтому друзья решили попытать счастья в другом. На этот раз им повезло: покой следующего на их пути строения когда-то охранял навесной замок, но его сорвали, поэтому теперь дверь стояла приоткрытой.

— Похоже, никому нет дела до этого места, — заметил Кира, глядя туда, где раньше висели петли. Их вырвали, что называется, «с мясом». — Иначе бы уже что-то сделали.

— Да, всем плевать. Оно никому не нужно, но сровнять здесь все с землей — слишком дорого, наверное, — махнул рукой Ярик и потянул на себя массивную дверь.

Та зловеще скрипнула ржавыми петлями, вызвав у ребят приступ нервного смеха.

— Сюда наверняка регулярно лазят всякие задроты, — хмыкнул Ярик, освещая фонариком когда-то ярко-зеленые, а теперь потускневшие, облупившиеся и местами покрывшиеся грибок стены коридора, на пороге которого они оказались.

Тот убежал вперед темным мрачным тоннелем, углубляться в который не было ни малейшего желания. Состояние здания оказалось хуже, чем они ожидали увидеть, но лучше, чем могло бы быть: по крайней мере, пол тут был целым, стены стояли крепко, и не было ощущения, что на тебя вот-вот обвалится потолок. Но было сыро и грязно. А еще воняло: в затхлом воздухе смешивались запахи мочи и гнили. Какие-то уроды уже успели написать на стенах несколько неприличных слов. Художники от слова «худо», как любила повторять мать Ярика — учительница русского языка и литературы.

— Типа Алекса? — насмешливо поинтересовался Кира, не торопясь идти по коридору.

Он опасливо посматривал на вереницы дверей, тянувшихся по обе стороны примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Одни были плотно закрыты, другие — приоткрыты, третьи стояли нараспашку.

Ярик тем временем обернулся к камере и недовольно поморщился: не подумал, как это прозвучало.

— Не, Алекс — пацан правильный, — тут же сдал он назад. — Я про тех, кто лезет сюда попить пива и поржать над страшными историями про мертвого

пионера из второго отряда или сторожа-маньяка с топором, а потом оставляет после себя тонну мусора и... вот.

Он подсветил фонариком высокоинтеллектуальное сочетание из трех букв, написать которое почему-то считает своим долгом каждый, у кого в распоряжении имеется стена и баллончик с краской.

Кира только презрительно скривился. Было время, он и сам «портил» стены, как говорили взрослые, да только они с друзьями наносили на них многоцветные объемные рисунки, в которые превращали, например, название любимой группы. То было искусство, а это — убожество.

— Здесь другую страшилку рассказывают, — отозвался он, отворачиваясь от примитивной «наскальной живописи».

— Какую?

— А ты не знаешь историю «Радуги»?

— А у нее есть история? — удивился Ярик.

— Как у любого уважающего себя пионерлагеря, — фыркнул Кира. — О, блин, как же тут стремно...

Они все-таки сделали несколько шагов вперед и как раз заглянули в одно из приоткрытых помещений, которое когда-то служило комнатой для отдыхающих детей. Там еще стояли разошедшиеся остовы одноместных кроватей, сдвинутые к одной стене, на полу валялись разнокалиберные обломки, смятая банка из-под ядреного алкогольного коктейля, разорванные упаковки из-под чипсов, прочий мусор.

Одна вещичка привлекла внимание Киры, он прошел в комнату и поднял с пола небольшого, размером с ладонь, голого пупса с оторванной рукой и выбитым глазом. Посветив на него фонариком, он продемонстрировал его камере.

— Местная страшилка — куклы, — торжественно объявил он.

— Куклы? — недоверчиво переспросил Ярик.

— Да, когда-то это был пионерлагерь для детей работников игрушечной фабрики. Его закрыли в конце восьмидесятых или начале девяностых. Кризис, все дела. Но ходит байка, что была серьезная причина, по которой его закрыли, только она старательно замалчивалась. Мол, в последнюю смену стали в лагере пропадать дети. Ложится мальчик спать, а утром его уже нет в комнате, а вместо него в кровати лежит кукла. Потом пропала девочка. И еще несколько детей. И каждый раз утром в кровати вместо ребенка находили куклу. Детей потом тоже нашли в подвале одного из корпусов. — Кира сделал многозначительную паузу и весело закончил: — Выпотрошенными. Как будто кто-то решил посмотреть, что у них внутри. Считается, что куклы с фабрики хотели стать настоящими детьми и пытались таким образом занять их место.

Кира замолчал, продолжая крутить в свете фонарика искалеченного пупса, и не заметил, что Ярик смотрит на него шальным взглядом.

— Типа как этот... Пиноккио? — наконец хрипло уточнил тот.

— Ну да, только Пиноккио никому не выпускал кишки...

Кира поднял взгляд на друга и понял, что на того история произвела впечатление. Его это развеселило: он рассмеялся и кинул в Ярика пупса, а тот отскочил в сторону так, словно в него бросили гранату.

— Да ладно тебе, это же просто страшилка! Типа как про девочку с синим ногтем, из которой сделали пирожки с мясом, а ее мама купила те пирожки, и, ко-

нечно, синий ноготь попался именно ей. Уверен, эта история существовала все годы работы лагеря, и дети рассказывали ее друг другу перед сном, а самые впечатлительные потом мочились в постель или не спали до утра, чтобы кукла не забрала их.

— Только больной маньяк может придумать такую страшилку, — проворчал Ярик, недовольный тем, что его удалось напугать. — Да заткнись ты уже!

Кира продолжал похихикивать, но после этого требования честно попытался унять смех, правда, у него ничего не вышло.

— Придурок, — процедил сквозь зубы Ярик, поворачиваясь и уходя из комнаты прочь.

— Да ладно тебе, это ж...

Кира хотел сказать «прикольно», но слово застряло у него в горле, когда он, вслед за Яриком, вошел в комнату напротив. Смех его тут же оборвался.

Здесь тоже стояли кровати, но их никто никуда не сдвигал, они остались на своих местах. На прогнивших матрасах тех двух, что находились ближе всех к входу, лежало еще по кукле. Эти были чуть крупнее, одетые, но тоже слегка потрепанные — одна смотрела на них пустыми глазницами, у другой не хватало ноги.

— Блин, крипово, — прокомментировал Кира.

Ярик только молча кивнул и поспешно вышел из комнаты. Замер посреди коридора, отчаянно желая побыстрее вернуться к машине, но любопытство оказалось сильнее, и он толкнул еще одну дверь дальше по коридору, пробежал по обстановке лучом фонаря, на этот раз целенаправленно ища кукол.

Здесь их обнаружили уже целых пять штук: они сидели рядком на подоконнике, целехонькие, но покрытые пылью, в грязных платьях.

— Многовато кукол, — озадаченно пробормотал у него над ухом Кира. — Может, тут девчачий корпус был?

— И чего? Девчонки побросали свои куклы, когда уезжали? — недоверчиво уточнил Ярик.

— Ну... Как вариант: сюда привозили кукол с фабрики, чтобы девочки могли в них играть, вот они тут и остались, — предположил Кира. — Потому что были ничьи, местные.

— Тогда понятно, откуда растут ноги у этой страшилки. Ладно, может, пойдем отсюда? Вроде достаточно уже и увидели, и наснимали...

Но оказалось, что недостаточно. Они двинулись дальше по коридору, напряженно прислушиваясь к шороху собственных шагов и заглядывая в комнаты. Старых, грязных, изуродованных кукол хватало в каждой. Они валялись на полу, сидели на подоконниках или на кроватях, иногда лежали, по одной или компаниями. Ближе к концу коридора это стало восприниматься как само собой разумеющееся, но на пороге последней, самой дальней комнаты оба парня застыли как вкопанные, лучи их фонариков сошлись в одном месте.

Эта комната оказалась практически пустой: никакого оставшегося со времен лагеря хлама, никакого занесенного горе-сталкерами мусора. Только обшарпанные стены, грязный пол, мутные стекла окон, которые пока никто не разбил, и старый облезлый стул у стены. А на стуле сидела огромная нарядная кукла, подозрительно похожая на маленькую девочку. В новом чистеньком платице.

Ярик и Кира переглянулись и настороженно подошли ближе. Кукла жизнерадостно улыбалась, тараща на них светло-карие глаза, и как будто тянулась к ним короткими ручками.

— Это что за хрень? — пробормотал Ярик, чуть наклоняясь, чтобы заглянуть кукле в лицо. Оно тоже было чистым, словно куклу посадили на стул только что.

— А тут, оказывается, бывают люди с чувством юмора, — напряженно заметил Кира.

Ярик зачем-то ткнул куклу пальцем в живот, как будто хотел проверить, что она действительно существует. Или что она из пластика.

— Привет! — бодро откликнулась кукла забавным мультяшным голосом.

Оба парня вздрогнули и отпрыгнули от стула, непроизвольно вскрикнув.

— Твою мать! — проорал Ярик, прежде чем разразиться нервным хохотом вместе с Кирой.

А кукла между тем продолжила:

— Как тебя зовут?

После небольшой паузы она добавила:

— А меня зовут Аня. Давай дружить!

— Охренеть просто, — процедил Кира, качая головой. — Она знает больше слов, чем моя последняя подружка.

— Кто только покупает детям такой треш? — в свою очередь возмутился Ярик. И тут же с подозрением покосился на Киру: — Это ты ее сюда приволок, признавайся?

— Чего? — возмутился тот.

— Приколоться надо мной решил? Вы это вместе придумали, да?

Он повернулся к камере и сделал характерный жест, каким обычно просят остановить съемку.

— Вот серьезно, это ни фиги не смешно, — добавил Ярик, когда камера перестала снимать.

— Да ты больной, что ли? — все с тем же, весьма натуральным, возмущением отозвался Кира. — Я тут первый раз, как и ты!

— Значит, это для нас приготовили... — решил Ярик.

Он хотел сказать что-то еще, но кукла перебила:

— А хочешь, я расскажу тебе сказку?

— А может, ты лучше заткнешься уже? — почти прорычал Кира.

— Как-то раз темным вечерком, — проигнорировала его предложение кукла, — два мальчика забрались в заброшенный детский лагерь. Они бродили по коридорам, по пустым комнатам, и в каждой комнате их встречали куклы.

Ярик и Кира снова напряженно переглянулись.

— Я его убью, — процедил Ярик, пользуясь паузой в «сказке», и оглянулся на дверной проем, но там никого, кого можно было бы убить, не оказалось.

Кукла вдруг продолжила изменившимся голосом: теперь он стал мужским, низким, грубым:

— А потом один из них выпустил другому кишки, потому что решил, что тот ненастоящий мальчик! Тут и сказочке конец, а кто дослушал, тот пока жив...

Кукла замолчала. Она сидела и равнодушно смотрела на побледневших парней, лишившихся дара речи.

А потом моргнула.